

Все изложенное позволяет говорить о хронологической ошибке, допущенной Вологдиным, введшей в заблуждение исследователей, и считать, что восстания 1549 г. в Устюге Великом все же не было.

Н. А. БАЗАКОВА

ВОЛОГОДСКОЕ ЛЕТОПИСАНИЕ XVII—XVIII вв.

Вологда, расположенная на путях, ведущих в Поморье, являлась важным экономическим центром Русского государства. Особенно возрастает значение Вологды во второй половине XVI в., когда англичане, а за ними голландцы освоили морскую дорогу в Россию через Белое море к устью Северной Двины.

Входившая первоначально в состав Новгородской земли Вологда в 1390 г. была занята войсками Дмитрия Донского и с тех пор стала владением великих московских князей. Она являлась административным центром Вологодского уезда. В церковном отношении Вологда с конца XV в. была причислена к Пермской епархии, епископы которой с того времени стали именоваться Вологодскими и Пермскими; их фактической резиденцией была Вологда, а не центр епархии Усть-Вымь. В 1658 г. из Пермской епархии была выделена самостоятельная Вологодская епархия, за архиереями которой закрепился титул архиепископов Вологодских и Белозерских.

Экономическое, административное и церковно-административное положение Вологды способствовало подъему ее культурной жизни. С конца XV в. в Вологде получает значительное развитие летописание. На рубеже XV—XVI вв. там была создана первая редакция Вологодско-Пермской летописи, важного памятника русского летописания XV—XVI вв.¹ М. Н. Тихомиров, исследовавший Вологодско-Пермскую летопись, считает, что источниками ее первой редакции, доведенной до 1499 г., были до 1418 г. Софийская I летопись, для последующего периода — Московский свод 1479 (1480) г., начиная с 1481 г. — местные вологодско-пермские записи и московская летопись за 1483—1496 гг. По мнению М. Н. Тихомирова, первая редакция Вологодско-Пермской летописи была создана в Вологде при дворе вологодского и пермского епископа Филофея, вторая редакция, доведенная до 1526 г., — в Москве, третья, — кончающаяся 1538 г., — также в Москве.² Являясь по своему содержанию и направленности

¹ ПСРЛ, т. 26. М.—Л., 1959.

² Тихомиров М. Н. О Вологодско-Пермской летописи. — ПИ, вып. III. М.—Л., 1940, с. 225—244. См. также: Буганов В. И. 1) О спи-

памятником общерусского летописания, Вологодско-Пермская летопись для 1481—1499 гг. содержит, как мы указывали, местные записи, ведшиеся при дворе вологодского и пермского епископа и являющиеся интересным источником по истории Русского Севера.

О том, что летописные записи продолжали вестись в Вологде в XVI в., свидетельствуют Дополнения к Своду 1497 г. (список этой летописи принадлежал вологодскому Спасо-Прилуцкому монастырю).³ Дополнения включают двадцать одну погодную запись, охватывающую период с 1522 по 1570 г.⁴ Из числа этих записей девять касаются Вологды, при этом три из них (под 1522, 1525, 1534 гг.) сообщают о событиях в Спасо-Прилуцком монастыре. Это дало исследователям основание для заключения о том, что Дополнения к Своду 1497 г. были составлены в Вологде, точнее, в Спасо-Прилуцком монастыре. Что касается самого Свода 1497 г., то он представляет собой общерусскую летопись, сходную с начала до 1417 г. с текстом Ермолинской летописи, с 1418 до 1477 г. — с текстом Московского свода 1479 (1480) г., с повторяющегося 1468 г. и до конца — с Типографской летописью. А. Н. Насонов считает, что «летописец (Свод 1497 г. — Н. К.) был перевезен в Вологду, где и дополнялся приписками в конце».⁵

Если Вологодско-Пермская летопись и Свод 1497 г. с Дополнениями не раз привлекали внимание исследователей, то Вологодское летописание более позднего периода, XVII—XVIII вв., остается до сих пор почти не изученным, а памятники его либо не изданы совсем, либо изданы неудовлетворительно.

В середине XIX в. в связи с оживлением краеведения в «Вологодских губернских ведомостях» были опубликованы три местных летописца, которым их издатели дали названия: «Историческая летопись» (1301—1665 гг.),⁶ «Новая историческая летопись»

сках Вологодско-Пермского свода конца XV—начала XVI в. — В кн.: Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963, с. 158—163; 2) Отечественная историография русского летописания. М., 1975, с. 181—182, 280; Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976, с. 122—149.

³ ПСРЛ, т. 28. М.—Л., 1963. О Своде 1497 г. см.: Насонов А. Н. Летописные памятники хранилищ Москвы (новые материалы). — ПИ, вып. IV. М., 1955, с. 251; Сербина К. Н. Из истории русского летописания конца XV в. (Летописный свод 1497 г.). — ПИ, вып. XI. М., 1963, с. 391—428; Насонов А. Н. История русского летописания XI—начала XVIII века. М., 1969, с. 373—374. — В отличие от А. Н. Насонова и К. Н. Сериной Я. С. Лурье считает, что летопись, названная ими Сводом 1497 г., представляет собой Прилуцкий вид «Летописца от 72-х язык» (Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв., с. 139—140).

⁴ 22-я незаконченная запись под 1634 г. была приписана уже позже.

⁵ Насонов А. Н. Летописные памятники хранилищ Москвы..., с. 251.

⁶ Вологодские губернские ведомости (далее — ВГВ), 1857, часть неоф., № 2, с. 7—9; № 3, с. 12—13; № 4, с. 17—18; № 5, с. 24—26.

(1147—1654 гг.),⁷ «Летописец Слободского» (1452—1684 гг.).⁸ Сведения о рукописях, по которым были осуществлены публикации, и об их издателях в «Вологодских губернских ведомостях» не сообщаются. Названные летописцы вплоть до самого последнего времени не являлись предметом исследования и не вошли в научный оборот.

Исследователи при обращении к истории Вологды и Вологодского уезда использовали в качестве источников, из которых привлекались летописные известия, либо труд вологодского помещика второй половины XVIII в. А. А. Засецкого,⁹ либо «Вологодский летописец», изданный в 1874 г. Н. Суворовым.¹⁰

Книга А. А. Засецкого делится на две части — историческую и топографическую. Интересующая нас историческая часть состоит из погодных известий, представляющих собой либо выдержки из источников, либо их пересказ; против каждого известия в левом столбце имеется указание на источник, из которого оно было заимствовано. Несмотря на летописную форму сочинения А. А. Засецкого (погодные записи), его нельзя рассматривать как труд летописца. Перед нами произведение провинциальной историографии XVIII в.

Что касается «Вологодского летописца», то, по словам издателя, он был составлен им на основе трех названных выше летописцев, опубликованных в «Вологодских губернских ведомостях», а также книги А. А. Засецкого.¹¹ Налицо, таким образом, поздняя компиляция, не представляющая ценности как исторический источник и имеющая лишь некоторый интерес для характеристики издательской деятельности и археографических приемов краеведов XIX в.

В научной литературе встречаются упоминания некоторых неизданных летописных памятников конца XVII—начала XVIII в., которые исследователи связывают с Вологдой.

С. М. Соловьев в своей «Истории России с древнейших времен», в главах, посвященных царствованию Ивана Грозного и началу царствования Федора Ивановича, использовал известия летописи ГПБ, Q.IV.149, которую он назвал «Сокращенным временником». Наличие в «Сокращенном временнике» записей,

⁷ Там же, № 6, с. 28—30.

⁸ ВГВ, 1865, № 7, с. 46.

⁹ Исторические и топографические известия по древности о России, и частью о городе Вологде и его уезде, и продолжение онаго по известие сие. Из разных печатных и рукописных российских и иностранных книг и из собственных примечаний собранные и сочиненные Алексеем Александровым сыном Засецким, 1777 году, а потом от него же с пополнением исправлены по 1781 год. М., 1782.

¹⁰ Это издание представляет собой перепечатку из «Вологодских епархиальных ведомостей» 1873 г.

¹¹ Вологодский летописец, Вологда, 1874, с. 1—5.

касающихся Вологды, побудило С. М. Соловьева высказать предположение, что летопись составлена в Вологде.¹²

А. Н. Насонов, обследуя рукописные хранилища Москвы, обратил внимание на летопись ГИМ, собр. Уварова, № 591. Исследователь отметил наличие в летописи ряда известий, относящихся к Вологде, в частности к Спасо-Прилуцкому монастырю, и высказал предположение о составлении ее под Вологдой. Насонов указал также, что в летописи ГИМ, собр. Забелина, № 263 тоже находится вологодский материал.¹³

М. Н. Тихомиров вслед за А. Н. Насоновым высказал мнение, что летопись собр. Уварова, № 591 составлена в Вологде. С Вологдой М. Н. Тихомиров связал еще два памятника: Краткие летописные записки эпохи опричнины, находящиеся в рукописи ГИМ, Синодальное собрание, № 939, и Хронограф с летописными записями Музейского собрания, № 1150 (ГИМ).¹⁴

Автор настоящей работы, анализируя летописные известия о Вологде времен опричнины, установила, что текст, изданный в ВГВ под названием «Новой исторической летописи», представляет собой один из списков «Летописца Слободского». Ю. С. Васильев, давая общий обзор летописей Поморья, останавливается и на вологодских летописях XVII—XVIII вв. К сожалению, основному памятнику вологодского летописания этого периода — летописи собр. Уварова, № 591 — он посвящает всего несколько строк, а главное внимание уделяет характеристике опубликованных в ВГВ более поздних и не столь значительных летописцев — «Исторической летописи» и «Новой исторической летописи», считая последнюю отдельным от «Летописца Слободского» произведением. Не выявлена Ю. С. Васильевым и связь, существовавшая между памятниками вологодского летописания XVI—XVIII вв. Ю. С. Васильев повторяет также мнение А. Н. Насонова и М. Н. Тихомирова о принадлежности кругу вологодского летописания названных ими неопубликованных летописных памятников.¹⁵

Итак, говоря о неизданных памятниках вологодского летописания, исследователи причисляют к ним летописи ГПБ, Q.IV.149

¹² Соловьев С. М. История России с древнейших времен, кн. 2, т. VI, VII. Изд. т-ва «Общественная польза», [б. г.], с. 167—168, 176, 180, 539 и прим. 3.

¹³ Насонов А. Н. Летописные памятники хранилищ Москвы..., с. 276—277.

¹⁴ Тихомиров М. Н. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962, с. 53—56, 148—153. — М. Н. Тихомиров заметил также, что в Вологде или Ростове был составлен найденный в 1847 г. в Тотеме летописец (Тихомиров М. Н. Начало книгопечатания в России. — В кн.: У истоков русского книгопечатания. М., 1959, с. 15—17). — Об этом летописце см. с. 85—86.

¹⁵ Казакова Н. А. Летописные известия и предания о пребывании Ивана IV в Вологде. — Вспомогат. истор. дисциплины, X. Л., 1978, с. 200—206; Васильев Ю. С. Летописное наследие Поморья. — Там же, XI. Л., 1979, с. 30—42.

(«Сокращенный временник»), собр. Уварова, № 591, собр. Забелина, № 263, Краткие летописные записки эпохи опричнины Синодального собрания, № 939 и Хронограф с летописными записями Музейского собрания, № 1150. Но насколько правомерны сделанные выводы? Можно ли считать все названные памятники памятниками вологодского летописания? И тут встает сложный, в науке по существу специально не разрабатывавшийся методический вопрос: из каких оснований должен исходить исследователь, приурочивая летописные памятники к определенным центрам России? В тех случаях, когда содержание летописи отражает в первую очередь жизнь какого-то определенного центра, вопрос решается просто, как это обстоит, например, с новгородскими и псковскими летописями. Но как быть, если местный материал лишь вкраплен в летопись в виде отдельных известий? Не беря на себя смелость дать авторитетный ответ на этот вопрос, мы позволим высказать лишь некоторые предварительные соображения. Нам кажется, что при решении вопроса о месте происхождения летописи следует проявлять максимальную осторожность и учитывать совокупность ряда данных: удельный вес местных известий, близость к памятникам, о которых доподлинно известно, что они возникли в том центре, с которым исследователь намеревается связать изучаемую летопись, и, наконец, место бытования списков летописи. Исходя из высказанных соображений, попробуем ответить на вопрос, какие из пяти упомянутых выше памятников можно считать памятниками вологодского летописания.

Некоторые наблюдения над «Сокращенным временником» сделала О. А. Яковлева в связи с исследованием и публикацией Пискаревского летописца. Во введении к изданию Пискаревского летописца она отметила, что публикуемая ею часть Пискаревского летописца (30-е годы XVI в.—40-е годы XVII в.) близка к аналогичной части «Сокращенного временника». Яковлева дала описание рукописи «Сокращенного временника» и краткую характеристику его содержания,¹⁶ а в приложении к изданию Пискаревского летописца поместила публикацию части текста «Временника» (с 1533 по 1642 г.).

«Сокращенный временник» представляет собой рукопись в большую четверку, на 280 листах, созданную, судя по бумаге и почеркам, в первой половине или около середины XVIII в. Рукопись начинается словами: «Временник, сиречь летописец о бытии всего мира, вкратце избранно от пространного летописания» (л. 1). С л. 1 и до л. 126 об. включительно следует изложение событий библейской и всеобщей истории, начиная от сотворения мира и кончая известием о крещении Болгарской земли в царствование императора Михаила. После этого известия на л. 126 об. находится, по-видимому, испорченный заголовок:

¹⁶ Материалы по истории СССР, II. М., 1955, с. 17—20.

«Выписано истории Киевского». За ним следует повествование о легендарных событиях истории славян: о разделении земли между сыновьями Ноя, о потомках Яфета — Словене и Русе, о новгородском князе Гостомысле, о призвании новгородцами Рюрика из Прусской земли и его княжении (л. 126 об.—147 об.). С известий о княжении Олега и до известия 1691 г. о поставлении в ростовские митрополиты архимандрита Чудова монастыря идет последовательное изложение событий русской истории. На л. 274 об.—276 об. рукописи ГПБ, Q.IV.149 находится текст другого летописного памятника, имеющего заголовок: «Выписано из старых летописцев, что учинилось в Московском государстве и во всей Русской земли».

По своему характеру «Сокращенный временник» является памятником хронографического типа, восходящим, как это видно из его названия, к более обширному своду («пространному летописанию»). В «Сокращенном временнике» имеются три известия с упоминанием Вологды: под 1571 (7079), 1616 (7124) и 1619 (7127) гг. Под 1571 г. читается известие о набеге крымского хана на Русскую землю и о посещении Иваном IV Вологды и Кирилло-Белозерского монастыря; под 1616 г. находится запись о том, что воеводой в Вологде в это время был Григорий Леонтьевич Волуев; под 1619 г. сообщается о набеге на Вологду в Филиппов пост казаков и черкасов из войска королевича Владислава, подошедшего к Москве.¹⁷ Последние два известия, отражающие события истории Вологды, были несомненно местного происхождения. Но означает ли это, что весь «Сокращенный временник» был составлен в Вологде, как думал С. М. Соловьев? Нам кажется, что от такого суждения следует воздержаться: слишком невелик удельный вес вологодских известий в составе «Сокращенного временника», а его часть, включающая эти известия, близка, по наблюдениям О. А. Яковлевой, к Пискаревскому летописцу, памятнику московского летописания. Правильнее будет считать, что в «Сокращенный временник» местные вологодские известия попали из какого-то вологодского источника.

Нельзя относить, как нам кажется, к памятникам вологодского летописания и летопись собр. Забелина, № 263. По определению А. Н. Насонова, Забелинская летопись начинается хронографическим текстом, а в рассказе о событиях XVII в. использует «Новый летописец», продолженный до 1698 г.¹⁸ Вологодский материал присутствует в Забелинской летописи лишь под 1569 г. Под этим годом летописец сообщает о приезде Ивана IV в Вологду в «праздник Христова воскресения», о «недоумении» в связи с этим вологжан и о том, что священники не пошли к царю «здравствовать». Все это вызвало гнев царя, и он повелел всем жителям Вологды без различия пола, возраста, богатства и знат-

¹⁷ Там же, с. 147, 151, 152.

¹⁸ Насонов А. Н. Летописные памятники хранилищ Москвы. ..., с. 277.

ности выйти на строительные работы. Царское распоряжение было выполнено. А после «праздника Христова воскресения», на той же неделе, царь «казнил вологжан всяких чинов людей».¹⁹ В этом рассказе подлинные факты — большие земляные работы в связи с постройкой кремля в Вологде и происшедшие там весной 1569 г. казни ряда лиц — причудливо переплелись с местным преданием о гневе царя и его повелении выйти всем вологжанам на строительные работы в первый день пасхи.²⁰ Однако наличие в Забелинской летописи лишь одного известия, сообщающего о событиях из истории Вологды и включающего местное предание, не является, на наш взгляд, основанием для зачисления Забелинской летописи в разряд памятников вологодского летописания. Речь может идти лишь об использовании вологодского источника.²¹

Краткие летописные записки эпохи опричнины²² находятся, как мы уже указывали, в составе рукописи Синодального собрания, № 939. Записки следуют в рукописи вслед за текстом «Летописца вкратце Русской земли», представляющего собой извлечение из какого-то большого свода, очень близкого к Воскресенской летописи. По мысли М. Н. Тихомирова, «время написания летописных заметок очень близко к описываемым в них событиям, местом написания предположительно можно считать север Руси (есть указания на Вологду), может быть, Кириллов монастырь».²³

Рассматриваемые записки содержат 35 погодных записей, охватывающих время с 1534 до 1574 г. Вологда упоминается в записках два раза, Кирилло-Белозерский монастырь также два раза: под 1542 г. сообщается о ссылке митрополита Иоасафа в Кирилло-Белозерский монастырь; под 1567 г. — о пребывании Ивана IV в Вологде; под 1569 г. — о его же посещении Вологды и Кирилло-Белозерского монастыря. Содержание записей с упоминанием Вологды и Кирилло-Белозерского монастыря таково, что эти записи не обязательно должны были быть местными: о ссылке митрополита в Кирилло-Белозерский монастырь и пребывании Ивана IV в Вологде в 1567 и 1569 гг. было известно и в Москве, и там могли быть сделаны интересующие нас записи.²⁴

¹⁹ ГИМ, собр. Забелина, № 263, л. 161—162.

²⁰ Подробнее см.: Казакова Н. А. Летописные известия и предания о пребывании Ивана IV в Вологде.

²¹ Укажем, что М. Н. Тихомиров, также давший краткую характеристику Забелинской летописи, не связывал ее с Вологдой (Тихомиров М. Н. Краткие заметки о летописных произведениях..., с. 135).

²² Текст записок см.: Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники XVI в. — ИЗ, 1941, т. X, с. 89—92.

²³ Тихомиров М. Н. Краткие заметки о летописных произведениях..., с. 56.

²⁴ Отметим, что известие о ссылке Иоасафа в Кирилло-Белозерский монастырь читается также в Никоновской летописи, а известие о посещении Иваном IV в 1567 г. Вологды имеется в Дополнениях к Никонов-

Общий же характер Кратких записок, включающих сведения о событиях внутренней и внешней политики Русского государства и некоторые подробности, касающиеся Москвы (например, под 1591 г. о покрытии золотом куполов Успенского собора), позволяет, как нам кажется, связывать записки скорее с Москвой, нежели с Вологдой.²⁵

В отличие от «Сокращенного временника», летописи собр. Забелина, № 263 и Кратких записок сборника Синодального собрания, № 939, летописи Уваровского собрания, № 591, несомненно, возникла в Вологде.

Рукопись собр. Уварова, № 591 представляет собою сборник в четверку, на 211 л., писанный скорописью конца XVII—начала XVIII в., разными почерками.

Сборник начинается с «Беседы трех святителей» и «Шестоднева», за которыми следует изложение библейской, древней и средневековой (точнее, византийской) истории, заканчивающееся известием о взятии Царьграда турками в 1453 г. Изложению всеобщей истории предпослана заметка, гласящая: «Вкратце изложено есть сие от настояща книги хронографа и от иных книг от преждебывших временех... и о иных многих летописных вещей от великих писаний самобытных на малое сие писание вкратце преложено» (л. 25—25 об.). В этой заметке указывается источник, положенный в основу повествования, — «Хронограф» и «иные книги», и отмечается характерная особенность повествования — его краткость. Завершается раздел о всеобщей истории словами: «Сего же греческого и римского летописца в сей настоящей буквице прииде дозде...» (л. 58). Далее следует запись: «Русский летописец приемлет начало первым вселенским собором» (л. 58 об.). Приведенные записи показывают, что составитель сборника четко отделял раздел о всеобщей истории, названный им «Греческим и римским летописцем», от последующего текста, озаглавленного «Русский летописец».

«Русский летописец» (мы будем называть его дальше Уваровским) начинается (если исключить краткие упоминания первого и седьмого вселенских соборов) известиями, помещенными под 862 г.: о походе византийского императора Михаила на болгар, о приходе в 14-е лето его царствования Руси на Царьград, о призывании варяжских князей править Русью, заканчивается известием о пожаре в Спасо-Прилуцком монастыре 9 апреля 1700 г.

Наблюдения над хронологической последовательностью годовых записей Уваровского летописца и почерками, которыми

ской летописи (ПСРЛ, т. 13. М., 1965, с. 141). Текст Дополнений обрывается на 1567 г.

²⁵ Факт принадлежности рукописи Синодального собрания, № 939 в XVII в. Кирилло-Белозерскому монастырю (Тихомиров М. Н. Краткие заметки о летописных произведениях..., с. 54) также не решает вопроса о месте происхождения Кратких записок в пользу Вологды или Кирилло-Белозерского монастыря.

он написан, позволяют разделить его на две части: до 1673 (7181) г. включительно и после него. До 1673 г. в летописце строго соблюдается последовательность погодных записей,²⁶ после 1673 г. она исчезает, а в ряде случаев более поздние известия перемежаются с более ранними. После известия 1673 г. в рукописи имеет место и большее разнообразие почерков. Уже эти внешние наблюдения позволяют высказать предположение, что Уваровский летописец представляет собой до 1673 г. единый отредактированный памятник (мы будем эту часть летописца называть в дальнейшем основной).

В основной части Уваровского летописца дважды упоминается источник, которым пользовался составитель летописца: на поле л. 71 написано: «В гранографе глава 150-я, в ней пишет: в лето 6607-го освящена бысть церковь Успение пресвятыя Богородицы, иже в Печере, Иоанном митрополитом»; на л. 111—111 об. рассказ о конфликте в 1445 г. между великим князем Московским Василием Васильевичем и Дмитрием Шемякой заканчивается словами «в гранографе пишет о сем». И действительно, хронограф, как об этом мы будем говорить, являлся одним из источников летописца. Но составитель его наряду с хронографом использовал и другие источники.

Начиная с названных выше первых известий (под 862 г.) и кончая известием 1493 (7002) г. о смерти на Казенном дворе в заключении князя Андрея Васильевича, брата Ивана III, текст Уваровского летописца близок к тексту Сокращенного летописного свода 1493 г. (Погодинская летопись):²⁷ есть известия, полностью совпадающие с известиями свода 1493 г., есть аналогичные по содержанию, но имеющие текстуальные отличия. В целом текст Уваровского летописца по сравнению с текстом свода 1493 г. сокращен как посредством исключения ряда известий, читающихся в своде 1493 г., так и путем сокращения текста отдельных известий.

Но наряду с тенденцией к сокращению свода 1493 г. в нашем летописце наблюдается наличие известий, отсутствующих в своде 1493 г. Эти известия находят себе аналогии, полные или частичные, в первую очередь в известиях Ермолинской летописи и в меньшей степени — Лаврентьевской, Авраамки, Вологодско-Пермской и Устюжского летописца.²⁸

Наличие указанных известий в Уваровском летописце, в целом (до 1493 г.) близком к своду 1493 г., позволяет высказать предположение о том, что Уваровский летописец восходит не не-

²⁶ Отступления от хронологической последовательности имеют место дважды: на л. 117 об.—118 между известиями 6988 и 6990 гг. вставлено известие 6998 г.; после известия 7175 г., читающегося на л. 151 об., на л. 152—152 об. следует известие 7171 г.

²⁷ ПСРЛ, т. 27. М.—Л., 1962.

²⁸ ПСРЛ, т. 23. СПб., 1910; т. 1, вып. 1. Л., 1926; т. 16. СПб., 1889; Устюжский летописный свод. М.—Л., 1950.

посредственно к Своду 1493 г., а к его протографу. По мнению Я. С. Лурье, протографом Сокращенных сводов 1493 и 1495 гг., а также Ермолинской летописи и Устюжского летописца был Северный свод, составленный в начале 70-х годов XV в. в Кирилло-Белозерском монастыре.²⁹ Очевидно, к этому своду восходит и Уваровский летописец, что объясняет присутствие в его тексте известий, аналогичных известиям Ермолинской летописи и Устюжского летописца. Однако составитель Уваровского летописца использовал не просто Северный свод, но и его продолжение, читающееся в Погодинской летописи (Своде 1493 г.), о чем свидетельствует сходство Уваровского летописца с этой летописью, сохраняющееся до конца ее текста (до 1493 г.). Что касается известий Уваровского летописца, сходных с известиями Лаврентьевской, Вологодско-Пермской летописей и летописи Авраамки, то эти известия были заимствованы составителем Уваровского летописца либо из названных летописей, либо из каких-то общих с ними источников.

Рассматриваемая часть Уваровского летописца (с начала и до конца XV в.) по своему содержанию и направленности является общерусским летописцем, что определяется ее основным источником, представляющим северную ветвь общерусского летописания. Вологда в этой части Уваровского летописца упоминается лишь раз — в рассказе под 1445 (6953) г. о предоставлении Дмитрием Шемякой ослепленному великому князю Московскому Василию Васильевичу в удел Вологды, о пророчестве последнему игумена Кирилло-Белозерского монастыря Трифона и исполнении этого пророчества — переходе на сторону Василия Васильевича «всей московской силы». Названный рассказ не содержит в себе ничего специфически вологодского: с теми или иными модификациями он встречается во всех русских летописях, в том числе и в Сокращенном своде 1493 г.

Для последующей части Уваровского летописца, охватывающей период с конца XV и до начала XVII в., трудно выделить источник, который был бы близок к ней на всем ее протяжении.

Среди известий Уваровского летописца конца XV—начала XVI в. можно найти аналогии в большей или меньшей степени известиям Свода 1497 г. (Прилуцкая летопись), Вологодско-Пермской летописи и Свода 1518 г. (Уваровская летопись).³⁰ Последнее сходное с Вологодско-Пермской летописью известие нашего летописца — о пожаловании Иваном III своего сына «Василия великим княжением, Псковым градом» — находится под 7007 (1499) г. На указанном известии сходство Уваровского летописца с Вологодско-Пермской летописью кончается. Это дает основание думать, что при составлении Уваровского летописца

²⁹ Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв., с. 185—209.

³⁰ ПСРЛ, т. 28.

была использована первая редакция Вологодско-Пермской летописи, заканчивающаяся 1499 г.

Если для изложения событий конца XV—начала XVI в. в Уваровском летописце использованы летописные своды и летописи того же времени, то история XVI—XVII вв. освещается в нем на основе более поздних источников. С 10-х годов XVI в. и до 1673 г., которым заканчивается, как мы уже указывали, основная часть Уваровского летописца, в тексте его имеются известия, сближающиеся с некоторыми известиями Мазуринского летописца³¹ и уже знакомого нам «Сокращенного временника». Единичные известия Уваровского летописца сходны с известиями Летописца 1619—1691 гг.³² Все три летописца являются памятниками общерусского летописания, возникшими в самом конце XVII в. Частичное сходство с их текстом текста Уваровского летописца свидетельствует о связи его с общерусским летописанием XVII в. Но установить, какого рода была эта связь, к каким этапам летописания XVII в. восходит наш летописец, не представляется возможным ввиду недостаточной изученности русского летописания XVII в. в целом, а также вследствие того, что названные летописцы (Мазуринский, «Сокращенный временник», Летописец 1619—1691 гг.) до сих пор не вписаны исследователями в схему развития русского летописания XVII в., намеченную в трудах А. Н. Насонова.

Говоря об источниках Уваровского летописца, следует назвать еще один, сыгравший после Северного свода 70-х годов XV в. и его продолжения в Сокращенном своде 1493 г., пожалуй, наибольшую роль в создании Уваровского летописца. На всем протяжении Уваровского летописца ряд его известий имеет сходство с летописными записями Хронографа Музейского собрания, № 1150 (сходные известия, немногочисленные для ранних веков русской истории, численно возрастают для более позднего времени, особенно для царствований Михаила Федоровича и Алексея Михайловича). Музейский хронограф относится к третьему разряду третьей редакции (1620 г.) русского хронографа. Он не имеет начала и начинается с середины текста главы «О Феодосии царе», заканчивается известием о приходе в 1679 г. под Киев царских и запорожских войск. Подобно другим хронографам делится на главы, содержащие статьи по всеобщей и русской истории. Статьи по русской истории включают наряду с типичными для хронографов повестями и летописные записи.

Как уже отмечено, Музейский хронограф М. Н. Тихомиров относил к числу памятников, связанных своим происхождением с Вологдой. Предположение М. Н. Тихомирова подтверждается фактом бытования рукописи Музейского хронографа на Севере,³³

³¹ ПСРЛ, т. 31. М., 1968.

³² Там же.

³³ На л. 556 Музейского хронографа почерком XIX в. написано: «1845 года сию историю купил сего числа, заплатил 5 руб[лей] ассигна-

наличием в нем специфически вологодских известий, а также близостью ряда его летописных записей к известиям Уваровского летописца, являющегося бесспорным памятником вологодского летописания (об этом речь пойдет далее).³⁴

Соотношение сходных известий Музейского хронографа и Уваровского летописца не таково, чтобы можно было считать один памятник источником другого. Скорее они восходят к одному общему источнику, которым, быть может, был неизвестный нам хронограф, послуживший протографом для Музейского хронографа и использованный также составителем Уваровского летописца (напомним, что в Уваровском летописце дважды в качестве источника называется хронограф). Но текст летописных записей Музейского хронографа и текст Уваровского летописца представляют разные стадии обработки этого источника. Высказанное предположение хорошо иллюстрируется следующими примерами:

1. И в Уваровском летописце, и в Музейском хронографе под 1663 (7171) г. описывается случившееся в Белозерском уезде, в вотчине Кирилловского монастыря, в селе Ерге «знамение страшно» — падение метеорита. Описание, имеющееся в Уваровском летописце, более подробное (оно написано другим почерком на л. 152—152 об. и является, вероятно, вставкой), ведется от имени очевидцев, о чем свидетельствует фраза: «Все то мы виделим и известихом Кирилова монастыря архимандриту Никите сиевых божии чудес страшнаго видения». В Музейском хронографе рассказ о падении метеорита гораздо более короткий (л. 531 об.), но в литературном отношении более обработанный, написан он не от имени очевидцев, а в порядке констатации происшедшего события, как обычно записывались летописные известия.

2. В обоих памятниках под 1669 (7177) г. читаются текстуально близкие известия о выборе для левобережных казаков гетмана Павла Многогрешного, после чего в Уваровском летописце следует запись: «А за Непром *ныне* етман Дорошенко» (л. 157—157 об.); в Музейском хронографе: «А за Днепром *тогда* был гетман Дорошенко» (л. 534).

Таким образом, если составитель Уваровского летописца и автор вставки под 1663 г., записавшие приведенные известия, были современниками изложенных в них событий, то составитель Музейского хронографа писал о них *post factum*. Музейский хронограф является более поздним памятником, нежели основная часть Уваровского летописца.

Вплоть до начала XVII в. Уваровский летописец сохраняет общерусский характер, и в нем полностью отсутствуют вологод-

циями мещанин Ненакоцкого посаду Василий Климентов Скребцов и подписал своеручно».

³⁴ Автор настоящей работы охарактеризовал Музейский хронограф № 1150 более обстоятельно в статье «Из истории русской хронографии XVII в.». (Рукопись).

ские известия. С начала XVII в., точнее, с 1613 г., положение меняется: в текст Уваровского летописца вторгается струя северных, в первую очередь вологодских, известий. Но наряду с ними в летописце по-прежнему наличествуют общерусские записи. Благодаря сочетанию общерусских известий с местными, северными и вологодскими, наш летописец превращается из общерусской летописи в общерусскую провинциальную летопись (как удачно определил этот тип летописей А. Н. Насонов³⁵).

В основной части летописца за 1613—1673 гг. читаются двенадцать местных известий: под 1613 (7121) г. о захвате Вологды польскими и литовскими людьми; под 1619 (7127) г. о бесчинствах в Спасо-Прилуцком монастыре польских и литовских людей и казаков; под 1625 (7133) г. о преставлении вологодского архиепископа Корнилия; под 1626 (7134) г. о преставлении вологодского архиепископа Нектария; под 1627 (7135) г. о чуде в церкви на Красном бору в Устюжском уезде; под 1631 (7139) г. о постройке деревянных укреплений в Вологде при царе Михаиле Федоровиче, царевиче Алексее Михайловиче, патриархе Филарете, вологодском архиепископе Варлааме; под 1632 (7140) г. о пожаре в Вологде по вине воеводы Леонтия Плещеева; под 1655 (7163) г. о постройке в Вологде храма Спаса Смоленского; под 1661 (7169) г. о ценах на хлеб в Вологде; под 1662 (7170) г. о ценах на хлеб и соль в Вологде; под 1663 (7171) г. о падении метеорита в Белозерском уезде, в вотчине Кирилло-Белозерского монастыря, в селе Ерге; под 1673 (7181) г. о преставлении келаря Спасо-Прилуцкого монастыря Сильвестра.

Из приведенных известий два — под 1619 и 1673 гг. — связаны со Спасо-Прилуцким монастырем, два — под 1625 и 1626 гг. — с архиепископской кафедрой, в известии о строительстве деревянных укреплений в Вологде под 1631 г. также упоминается вологодский архиепископ. Отмеченные нами известия позволяют высказать предположение о том, что центром, при котором велись местные летописные записи, мог быть либо Прилуцкий монастырь, либо архиерейский дом. Нам кажется, что правильнее будет считать таким центром Спасо-Прилуцкий монастырь, так как оба касающиеся его известия имеют точные даты — с указанием числа месяца. Особенно показательна читающаяся в последнем известии основной части летописца точная дата смерти келаря Спасо-Прилуцкого монастыря Сильвестра — 14 июня 1673 г. Точная дата смерти должностного лица монастыря вряд ли стала бы отмечаться за его пределами; что касается событий из жизни архиепископской кафедры и города Вологды, то интерес к ним со стороны летописца, находящегося в пригородном вологодском монастыре, вполне естествен. Закономерно и внесение летописцем Спасо-Прилуцкого монастыря в свой труд известия о чуде,

³⁵ Насонов А. Н. История русского летописания XI—начала XVIII века. М., 1969, с. 346.

случившемся в одной из церквей соседнего Устюжского уезда, и о падении метеорита в вотчине Кирилло-Белозерского монастыря, входившего в состав Вологодской епархии. Думается, что в стенах Спасо-Прилуцкого монастыря была осуществлена и вся работа по своду известий из различных источников и составлению основной части Уваровского летописца.

Укажем, что из числа местных известий основной части Уваровского летописца для исследователей экономической истории Русского Севера большой интерес представляют записи о ценах на хлеб в 1661 и 1662 гг., показывающие, как в связи с обращением медных денег из месяца в месяц скачкообразно росли цены; особенно подробна запись под 1662 г., называющая цены отдельно для ржи и овса, а также для соли.

Составитель Уваровского летописца живо интересовался состоянием дел Русского государства, и в его труде содержатся сведения о разных аспектах жизни России XVII в.: о внешней политике — взаимоотношениях Москвы со Швецией, Польшей, Украиной; о внутренней политике — низложении патриарха Никона, выпуске медных денег и ликвидации их; о социальных потрясениях — восстании в Москве в 1648 г., крестьянской войне под руководством Степана Разина; об изменениях в царской семье, смене патриархов, а также ряд других сведений.

После записи о смерти в 1673 г. келаря Спасо-Прилуцкого монастыря Сильвестра хронологическая последовательность погодных записей Уваровского летописца обрывается и изложение возвращается к событиям середины XIV в. — второй половины XV в.: под 1351 (6859) г. сообщается об основании на острове Кубенского озера Каменного монастыря, под 1477 (6985) г. — о пожаре в том же монастыре, под 1481 (6989) г. о постройке в нем же первой каменной церкви. Под 1537 (7045) г., 1545 (7053), 1546 (7054), 1695 (7203) гг. помещены записи о строительстве в Спасо-Прилуцком монастыре. Затем изложение опять возвращается назад: под 1675 (7183) г. записано известие о затмении луны, под 1668 (7176) — 1676 (7184) гг. находится рассказ о соловецком восстании, после него следуют известия о смерти царя Алексея Михайловича, событиях царствования Федора Алексеевича, правления Софьи, царствования Петра I вплоть до 1700 г. В записях о царствовании Федора Алексеевича, правлении Софьи, царствовании Петра I общерусские известия перемежаются с местными, вологодскими и спасо-прилуцкими. В этих известиях также имеют место хронологические отступления. В анализируемой сейчас части Уваровского летописца (после известия 1673 г. о смерти келаря Спасо-Прилуцкого монастыря) наблюдается и большее разнообразие почерков (все они, за исключением почерка приписки под 1718 г. на л. 182 об., второй половины и конца XVII в.). Все это дает основание рассматривать вторую часть Уваровского летописца как продолжение его основной части, принадлежащее

перу нескольких лиц, включающее позднейшие вставки и приписки и не подвергнувшееся редакционной обработке.

Общерусские известия продолжения Уваровского летописца, как и соответствующие известия его основной части, содержат сведения о событиях в царской семье (рождениях, браках, смертях), о внешней политике (в частности, войне с Польшей, крымских походах В. В. Голицына, взятии Азова при Петре I), о внутренней политике и событиях церковной жизни, о социальных конфликтах. Большую ценность представляет статья о восстании стрельцов в Москве в мае 1682 г. Ее текст, находящийся на л. 184—184 об., написан другим почерком и другими чернилами, чем текст до л. 184—184 об. и после него; по-видимому, статья была вставлена в летописец позднее окружающих ее известий. Текст статьи содержит рассказ очевидца, относившегося сочувственно к восставшим стрельцам и солдатам.³⁶ Продолжение Уваровского летописца включает также статью о заговоре Цыклера (л. 204—206), составленную, очевидно, на основе царской грамоты, оповещавшей о казни участников заговора и их винах, и начало рассказа о волнениях стрельцов в 1698 г. (л. 206—206 об.), составленного, по-видимому, на основе аналогичной грамоты.

Отмеченная нами для ряда общерусских известий XVII в. основная часть Уваровского летописца близость к некоторым известиям Мазуринского летописца, «Сокращенного временника» и Летописца 1619—1691 гг. в продолжении Уваровского летописца исчезает. Лишь известия о событиях в царской семье, читающиеся в продолжении Уваровского летописца, по содержанию соответствуют известиям Летописца 1619—1691 гг., но последние имеют другую редакцию. Поэтому возводить непосредственно известия продолжения Уваровского летописца к тексту Летописца 1619—1691 гг. нельзя. Как и в основной части Уваровского летописца, некоторые известия его продолжения (за годы 1668—1678) близки к тексту Музейского хронографа, № 1150, что свидетельствует об обращении автора этих записей к общему с Музейским хронографом источнику.³⁷ Но подавляющая часть общерусских известий продолжения Уваровского летописца не находит аналогий в летописцах XVII в., привлеченных нами для сравнения, и установить источники этих известий нам не удалось.

В числе источников продолжения Уваровского летописца появляется новая разновидность их, не использовавшаяся при составлении основной части летописца, — официальные документы.

³⁶ Буганов В. И. Летописные заметки о московских восстаниях второй половины XVII в. — В кн.: Летописи и хроники. М., 1977, с. 341—342.

³⁷ Сходство известий продолжения Уваровского летописца с таковыми Музейского хронографа кончается на 1679 г., так как этим годом заканчивается Музейский хронограф.

Царские грамоты лежат, по-видимому, как мы указывали, в основе статей о заговоре Цыклера 1697 г. и волнениях стрельцов в 1698 г., царские указы использованы в известиях 1700 г. об обязательном пользовании гербовой бумагой при составлении деловых бумаг и начале нового года с 1 января, а под тем же 1700 г. помещен список с царского указа о даточных людях. Использование официальной документации при составлении летописей — дань переломной эпохе, подготавливавшей петровские преобразования.

Струя местных известий в продолжении летописца (по сравнению с основной частью Уваровского летописца) становится значительно сильнее. Помимо уже названных нами трех известий о Каменном монастыре на Кубенском озере (под 1351, 1477, 1481 гг.), четырех о строительстве в Спасо-Прилуцком монастыре (под 1537, 1545, 1646, 1695 гг.), известия под 1675 г. о затмении луны и рассказа под 1668—1676 гг. о Соловецком восстании, в продолжении Уваровского летописца читаются следующие местные известия: под 1676 (7184) г. о крестном целовании вологжан 11 апреля царю Федору Алексеевичу, о приезде в Вологду 26 апреля князя Волхонского для розыска «остаточных людей» по делу о Соловецком восстании, о переводе в мае этого года бывшего патриарха Никона из Ферапонтова монастыря в Кирилло-Белозерский; под 1678 (7186) г. о составлении стольником П. М. Голохвостовым и подьячим И. Саблиным переписных книг по городу Вологде и вологодскому уезду; под 1680 (7188) г. о пожаре в Вологде; под 1684 (7193) г. о поставлении 8 сентября Гавриила, архиепископа Вологодского и Белозерского; под 1685 (7193) г. о смерти в Прилуцком монастыре 29 апреля бывшего вологодского и белозерского архиепископа Симона, о начале строительства 14 мая в Прилуцком монастыре церкви во имя Всех святых и окончании постройки в 1689 г.; под 1685 (7194) г. о самосожжении 9 ноября на р. Великой капитонов, монастырских крестьян, с женами и детьми, о сожжении в срубе в Вологде по царскому указу их учителя Першутки с другими капитонами; под 1686 (7194) г. о посылке 17 марта монастырских слуг и государевых стрельцов для розыска капитонов в «Волонцевском» уезде и о самосожжении их, о начале в апреле весны в Вологде, о страшной буре в Вологде 27 мая, о северном сиянии 25 января, о лютых морозах в июне в Поморской стране, Каргополе, Чаронской округе, в Тотемском, Устюжском, Вычегодском, Пинежском, Мезенском уездах и гибели в них всех «ржаных» и яровых хлебов, о падении скота в связи с отсутствием кормов и о большом разливе рек весной, о сборе в мае по указу великих государей запросных денег и взятии с Прилуцкого монастыря 394 рублей 26 алтын 4 денег, о начале росписи артелью ярославцев 20 июля по велению вологодского и белозерского архиепископа Гавриила стен соборной церкви Успения Богородицы; под 1688 (7196) г. о замене крестов 20 мая на куполах той же церкви, о

подвешивании 27 мая на колокольне той церкви отлитого в «Немецкой земле» по заказу архиепископа Гавриила колокола весом в 400 пудов; под 1689 (7197) г. о пожаре 26 июля в Спасо-Прилуцком монастыре; под 1687 (7195) г. о росписях в «той же соборной церкви» на Вологде (церкви Успения Богородицы.— Н. К.), после чего добавлено: «А все то строение и радение пресвященнаго Гавриила, архиепископа Вологодского и Белоозерского», под тем же годом о сборе денег ратным людям на жалованье «против переписных книг» П. Голохвостова и И. Саблина (т. е. с Вологодского уезда, см. известие под 1678 г.); под 1689 (7197) г. о разливе весной рек и затоплении в Вологде дворов посадских людей, а также дворов Спасо-Прилуцкого монастыря; под 1690 (7198) г. о холодной весне, позднем ледоходе и бескормиче скота [в Вологодском уезде]; под 1691 (7199) г. о постройке по указу архиепископа Гавриила в Вологде каменной церкви во имя Спаса вместо построенного в моровое поветрие 1655 г. деревянного храма; под 1692 (7200) г. об обвале сводов этой церкви и освящении ее архиепископом Гавриилом в 1698 (7206) г.; под 1691 (7199) г. о челобитье игуменьи девичьего Горнего монастыря в Вологде о разрешении поставить каменную церковь в монастыре (церковь была воздвигнута в 1694 г., освящена в 1695 г.); о рытье рва в Вологде на Рощенской улице по челобитью посадских людей и благословению архиепископа Гавриила; под 1691 (7200) г. о происшедшем 26 сентября разделе сенных угодий между Спасо-Прилуцким монастырем и крестьянами; под 1692 (7200) г. о случившихся летом эпидемии оспы, падеже лошадей и недороде хлеба; под 1693 (7201) г. о теплой весне и хороших всходах озимых в деревне Борилове; о путешествии через Вологду Петра I на Соловецкие острова, которых царь не смог достичь из-за бури на море; под 1694 (7002) г. о вторичном (закончившемся удачно) путешествии Петра I через Вологду на Соловецкие острова и о возвращении его обратно в Москву также через Вологду; под 1695 (7203) г. о плохой погоде и недороде хлебов, заканчивается словами: «А у Спаса на Прилуке малое поле яровой хлеб весь запал снегом, не жато ни единого снопа», далее указывается, что из-за неурожая вследствие больших морозов в Поморской стране, в уездах Холмогорском, Важском, в Чаронской округе, в уездах Каргопольском, Вычегодском, Устюжском, Тотемском, Вологодском, жители этих мест разошлись по поволжским городам и уездам в поисках пропитания; под 1696 (7204) г. о новом неурожае вследствие морозов летом, «как и в 203-м годе»; под 1697 (7205) г. о конском падеже с указанием, что на конюшенином дворе Спасо-Прилуцкого монастыря пало более 100 лошадей; под 1698 (7206) г. о пожаре в результате удара молнии, обнявшем всю Вологду; под 1700 г. о пребывании в Вологде в январе и феврале А. Меншикова, побывавшего у архиепископа, в Кирилло-Белозерском и других монастырях с целью мобилизации лошадей, и о случившемся 9 апреля того

года пожаре в Спасо-Прилуцком монастыре и на прилегающих улицах.

Известием о пожаре 9 апреля 1700 г. заканчивается продолжение Уваровского летописца. Позже почерком XVIII в. кто-то на л. 182 об. добавил запись о пожаре в Вологде в 1718 г., во время которого сгорел весь гостиный двор.

Как мы видим, продолжение Уваровского летописца содержит ценный комплекс разнообразных сведений по истории Вологды и Русского Севера. Сообщается о событиях городской жизни (строительстве, пожарах), церковной (поставлениях и преставлениях архиепископов), административной (присяге новому царю, составлении переписных книг, сборе запросных денег, мобилизации лошадей), явлениях природы (затмениях солнца и луны, северном сиянии, засухах, ливневых дождях, грозах, морозах, разливах рек), фактах экономической истории края (неурожаях, падеже скота). Специально освещается жизнь Спасо-Прилуцкого монастыря: пожары, строительные и ремонтные работы, факты хозяйственной истории. Следует отметить ценность для историков архитектуры и искусства известий о постройках церквей, их росписях, именах живописцев. Интересны и сведения о социальных конфликтах, обличенных в религиозную форму. Мы имеем в виду известия под 1685 и 1686 г. о самосожжениях капитонов и казни путем сожжения их «учителей». Противопереховное учение Капитона, крестьянского религиозного деятеля середины XVII в., являлось одним из истоков старообрядческого и сектантского движения второй половины XVII в. Спасаясь от преследований, сторонники Капитона бежали в леса и устраивали самосожжения. Недавно В. С. Румянцева опубликовала интересный материал о вологодских капитонах на основе сыскного дела Приказа тайных дел 1666 г.³⁸ Известия Уваровского летописца показывают, что, несмотря на жесточайший розыск, «капитоновщина» продолжала существовать среди вологодских крестьян в 80-е годы XVII в.

При составлении продолжения Уваровского летописца в качестве источника сведений по истории Каменного монастыря на Кубенском озере было использовано «Сказание о Каменном монастыре», называемое также летописью Спасо-Каменного монастыря, известного церковного деятеля второй половины XV—начала XVI в. старца Паисия Ярославова.³⁹ Источником всех остальных известий по истории Вологды, Спасо-Прилуцкого мона-

³⁸ Румянцева В. С. Сыскное дело Тайного приказа о вологодских капитонах. — История СССР, 1978, № 2 с. 170—180.

³⁹ Публикация Сказания: Православный собеседник, 1861, февраль, с. 199—216. — О Паисее Ярославове см.: Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1874, с. 189—192. — Ю. С. Васильев ошибочно указывает, что летопись Спасо-Каменного монастыря в настоящее время неизвестна (Васильев Ю. С. Летописное наследие Поморья, с. 40 и прим. 140).

стыря и северного края в целом явились местные летописные записи.

А. Н. Насонов, давший впервые характеристику летописца Уваровского собрания, № 591, отметив наличие в нем ряда спасо-прилуцких известий, пишет: «... с л. 180 об., как нам представляется, продолжается довольно типичная монастырская местная летопись, в которой среди местных записей встречаются записи общегосударственного значения».⁴⁰

Мы согласны с А. Н. Насоновым в том, что местом составления летописца являлся Спасо-Прилуцкий монастырь. В его стенах были составлены как основная часть Уваровского летописца, так и его продолжение. В пользу этого предположения свидетельствует детальность записей, касающихся Спасо-Прилуцкого монастыря, уже отмеченная нами для основной части летописца и становящаяся еще более характерной для его продолжения. Приведем один пример из продолжения летописца. Под 1697 г., сообщая о конском падеже, летописец пишет, в частности: «... и будучи у Спаса на Прилуке на конюшенном дворе лошадей пало сто и больше; такожде и по деревьям и в прочих волостех потомуже валилися. И жеребец, что стоял на стойле, зовомый Яблок, пал же, зело был урядством чист и пригож велми» (л. 202—202 об.). Бряд ли кличку павшего жеребца могли знать за пределами монастыря. В связи с предположением о составлении Уваровского летописца в Спасо-Прилуцком монастыре напомним, что летописная традиция была свойственна этому монастырю уже в конце XV—XVI в.

Что касается данного А. Н. Насоновым определения Уваровского летописца как местной монастырской летописи, то это определение не представляется нам удачным. Действительно, в продолжении Уваровского летописца количество местных известий численно возрастает, но и общерусские известия до конца летописца представлены достаточно полно. Это дает основание рассматривать Уваровский летописец в целом не как монастырский летописец, а как общерусскую провинциальную летопись.

Хотя вероятным местом составления Уваровского летописца является Спасо-Прилуцкий монастырь, но в летописце широко представлены, как мы постарались показать, известия по истории Вологды, его округи и других северных областей. Поэтому, исходя из содержания летописца, правильнее будет называть его не Прилуцким, а Вологодским. Сравнительно скромный объем летописного текста (немногим более четырех печатных листов) обязывает, казалось бы, к закреплению за ним наименования «летописец», а не «летопись». Но под названием «Вологодского летописца» была издана Н. Суворовым в 1874 г. компиляция, состоящая из известий нескольких летописей (см. выше). Чтобы

⁴⁰ Насонов А. Н. Летописные памятники хранилищ Москвы..., с. 276—277.

не путать наш летописец с этой компиляцией, предлагаем закрепить за ним название «Вологодская летопись».

В «Ярославских губернских ведомостях» в середине прошлого столетия была напечатана летопись,⁴¹ о рукописи которой неизвестный издатель сообщал, что она написана почерком конца XVII—начала XVIII в. и найдена в Тотме в 1847 г. В качестве возможного места возникновения летописи в заметке, предосланной публикации одной ее части, называлась Вологодская или Ярославская губерния, в заметке к публикации другой части — Вологда или Ростов.⁴² Летопись издана не полностью: начинается с известий 1201 г., заканчивается известиями 1668 г.

Сопоставление рассматриваемой летописи с Вологодской летописью из собр. Уварова, № 591 показывает, что перед нами список другого вида той же летописи (по месту издания будем называть этот вид и его список Ярославскими). В Ярославском виде Вологодской летописи некоторые известия опущены или сокращены, но вместе с тем имеются и дополнения, в их числе заимствования из житий местных святых Григория Пельшемского и Иоасафа Каменского.⁴³ По словам издателя Ярославского вида, дополнения сделаны в рукописи другой рукой на полях и между строк. Обращение к житиям местных святых имело целью возвеличивание их роли в исторических событиях. Так, в рассказе под 1431 г. о вражде между великим князем Василием Васильевичем и князем Юрием Дмитриевичем Галицким после сообщения о сгоне Юрием Дмитриевичем великого князя из Москвы в Коломну указывается, что Василий Васильевич был возвращен на великое княжение «по увещанию» Григория Пельшемского.

Из других дополнений, имеющих в Ярославском виде летописи, отметим помещенную под 1613 г. грамоту вологжан в Москву, адресованную «великим Российския державы государства Московского боярам и воеводам, боярину и воеводе князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому с товарищи». В этой грамоте, написанной от имени вологодского архиепископа Сильвестра и других духовных властей, а также вологодских земских посадских людей, сообщаются обстоятельства захвата Вологды поляками и литовцами и вина за случившееся трагическое событие возлагается на нерадивых воевод, не принявших мер для

⁴¹ Ярославские губернские ведомости, 1851, часть неофиц., № 43, с. 413—417; № 44, с. 424—428; № 45, с. 436—440; № 46, с. 447—451; 1850, часть неофиц., № 25, с. 250—253; № 26, с. 256—259; № 27, с. 272—275.

⁴² Там же, 1851, часть неофиц., № 43, с. 413—414; 1850, часть неофиц., № 25, с. 250.

⁴³ О Григории Пельшемском см.: Ключевский В. О. Древнерусские жития..., с. 190—197; Будовниц И. У. Монастыри и борьба с ними крестьян в XIV—XV вв. М., 1966, с. 177—181. — Сведения об Иоасафе Каменском читаются в «Сказании о Каменном монастыре» Пансия Ярославова (см. сн. 39) и в «Житии» Иоасафа (Ключевский В. О. Древнерусские жития..., с. 275—276).

обороны города. Недостатки воеводского правления описаны сочным, полным иронии языком, а заключительная фраза грамоты гласит: «А все, господа, делалось хмелем, пропили город Вологду воеводы». В грамоте содержится просьба о присылке «крепкого воеводы».

Элемент иронии в грамоте так силен, что невольно вызывает аналогии с произведениями демократической сатиры XVII в. типа «Калязинской челобитной». Но грамота подлинная. О ее подлинности свидетельствует ст. 316 «Нового летописца» «О взятии града Вологды», в которой, как и в грамоте, захват Вологды поляками объясняется «небреженьем воеводским»;⁴⁴ очевидно, грамота вологжан, полученная в Москве, явилась источником сведений «Нового летописца». Кроме того, в книге А. А. Засецкого обстоятельства взятия Вологды в 1613 г. изложены так же, как в грамоте, а в левом столбце, где указываются источники, написано: «С копии грамоты, каковую отыскивали в архиерейском архиве».⁴⁵ Следовательно, во второй половине XVIII в. копия грамоты еще имелась в архиерейском архиве.

Займствованные известия из житий местных вологодских святых и характер использования этих известий в Ярославском виде Вологодской летописи, а также включение в него документов из архиерейского архива позволяют думать, что интересующий нас вид летописи был создан в церковных кругах, скорее всего при вологодской архиепископской кафедре. Наиболее вероятное время его возникновения — конец XVII в.; основания датировки: Ярославский вид оканчивается известиями 1668 г., несохранившаяся рукопись его была написана, по словам издателя, почерком конца XVII—начала XVIII в.

Извлечением из Ярославского вида Вологодской летописи является «Историческая летопись», изданная в ВГВ в 1857 г. (см. прим. 6). Охватывая события с 1301 по 1665 г., с опущением и сокращением ряда известий, она сохраняет идеологические особенности своей предшественницы. «Историческая летопись» (название было дано, очевидно, неизвестным издателем) была составлена не ранее 1665 г., так как этим годом датируется последнее читающееся в ней известие. Верхнюю грань времени составления «Исторической летописи» установить сколько-нибудь определенно нельзя: в тексте ее отсутствуют данные, которые позволили бы это сделать, а рукопись летописи неизвестна. Думается, что скорее всего она была составлена в XVIII в., потому что именно для этого периода в истории вологодского летописания характерно составление кратких летописцев («Летописец Ивана Слободского»).

«Летописец Ивана Слободского» сохранился в трех списках, которые мы назовем Библиотечным, Вологодским и Киевским.

⁴⁴ ПСРЛ, т. 14. СПб., 1910, с. 316.

⁴⁵ Засецкий А. А. Исторические и топографические известия..., с. 46—47.

Библиотечный список находится в сборнике Библиотеки Академии наук (45.4.13)⁴⁶ третьей четверти XVIII в.: на бумаге сборника имеются филигранные фабрики Турунтаевых — монограммы из букв «РФ» и «ГТ», датируемые 40-ми годами XVIII в.,⁴⁷ последняя статья сборника содержит рассказ о буре в Крыму в 1755 г. В состав сборника входят также Луцидариус, статьи о рождении и смерти Петра I, Повесть о Дмитрии Басарге, Из Зерцала и другие.⁴⁸ Вологодский список находится в сборнике Государственного архива Вологодской области (ф. 883, оп. 1, № 150). Помимо «Летописца Ивана Слободского», сборник содержит жития вологодских святых. Сборник писан скорописью второй половины XVIII в., разными почерками. Киевский список входит в состав сборника собрания Киево-Софийского собора (Библиотека АН УССР, Рукописный отдел, собр. Киево-Софийского собора, № $\frac{403}{138C}$). Сборник начала XIX в. наряду с «Летописцем Ивана Слободского» включает «Краткое сведение об угодниках Вологодской губернии» и «Историческое сведение о Вологодской епархии».⁴⁹

Списки «Летописца Слободского» делятся на две редакции, причем первая редакция в свою очередь подразделяется на два вида. Первый вид первой редакции представлен Библиотечным списком, второй вид первой редакции — Вологодским. Ко второй редакции относится Киевский список. По своему характеру обе редакции одинаковы, текст их — это текст краткого местного летописца, почти не включающего общерусских известий. Различаются между собой редакции по комплексу входящих в них фактических известий.

Первый вид первой редакции «Летописца Слободского» начинается предисловием, в котором автор заявляет о своем намерении «изследовать о своем отечестве, а имянно о граде Вологде, отколе состояние и коликих лет ея имущество, кем устроися, и где градов первенство». Далее автор пишет, что, несмотря на все старания, ему удалось извлечь из хронографов, летописцев, записей синодиков и житий вологодских святых немного сведе-

⁴⁶ Указанный Ю. С. Васильевым шифр Библиотечного списка «Летописца Слободского» — 4.7.19 (Васильев Ю. С. Летописное наследие Поморья, с. 39, прим. 133) — ошибочен.

⁴⁷ Кукушкина М. В. Филигранные фабрики на бумаге русских фабрик XVIII — начала XIX в. — В кн.: Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук, вып. II. М.—Л., 1958, № 158—159 (с филигранями под этими номерами частично совпадают филигранные Библиотечного сборника).

⁴⁸ См.: Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР, т. IV, вып. 1. М.—Л., 1951, с. 342.

⁴⁹ См.: Петров Н. М. Описание рукописных собраний, находящихся в городе Киеве, вып. III. Библиотека Киево-Софийского собора. М., 1904, с. 138.

ний, которые он и предлагает своим читателям. В конце предисловия называются автор летописца и время его составления: «О сем пишет Иван Слободской лета господня 1716».⁵⁰ В историко-археологическом сборнике «Вологодская старина» есть сведения о том, что Иван Слободской был архиерейским певчим в 90-х годах XVII в.⁵¹ Весьма возможно, что Иван Слободской, певчий, и Иван Слободской, составитель летописца, — одно и то же лицо.

За предисловием следует текст собственно летописца, начинающийся известием 1147 (6655) г. об основании святым Герасимом, пришедшим из Киева, на реке Вологде монастыря во имя Троицы⁵² и заканчивающийся известием 1676 (7184) г. о смерти царя Алексея Михайловича. Вначале летописец включает несколько известий о Спасо-Каменном монастыре, а далее почти исключительно о Вологде и Вологодском крае: о событиях из их истории, связанных с великими князьями и членами их семей, о поставлениях и преставлениях вологодских архиепископов, о строительстве в Вологде.

Очень большой интерес представляют известия о пребывании Ивана IV в Вологде в годы опричнины. В Вологде, ставшей опричной резиденцией царя, велись большие строительные работы: был заложен каменный Кремль, построен новый кафедральный храм — собор св. Софии. Известия об этом читаются и в других летописях, но в «Летописце Ивана Слободского» они причудливо переплетаются с местными преданиями, показывающими, как преломлялся в народном сознании образ грозного царя. Исключительную ценность имеет известие «Летописца Слободского» о намерении царя уехать в «Поморские страны» и о строительстве для этого в Вологде специальных судов. Сопоставление с записками английских дипломатов Дженкинсона, Флетчера, сообщавших о желании царя найти в случае необходимости убежище в Англии и постройке в Вологде судов, на которых царь мог бы осуществить это намерение, показывает, что в «Летописце Слободского» речь шла о подготовке царя к отъезду в Англию. «Летописец Ивана Слободского» — единственный русский источник, сохранивший сведения об этом эпизоде царствования Ивана IV.⁵³

Источниками своего летописца Иван Слободской называет в предисловии хронографы, летописи, жития вологодских святых и записи синодиков. Это общее указание в двух случаях можно конкретизировать: сведения о Спасо-Каменном монастыре заим-

⁵⁰ РО БАН, 45.4.13, л. 74.

⁵¹ Вологодская старина. Историко-археологический сборник. Составил И. К. Степановский. Вологда, 1890, с. 529.

⁵² Основываясь на этом известии, вологодские краеведы считают, что Вологда была основана в 1147 г.

⁵³ Подробнее см.: Казакова Н. А. Летописные известия и предания о пребывании Ивана IV в Вологде.

ствованы из «Сказания о Каменном монастыре» старца Паисия Ярославова,⁵⁴ а ценный комплекс известий о пребывании Ивана IV в Вологде и проводившихся там больших строительных работах восходит к Дополнениям к Своду 1497 г. Но по сравнению с последними в «Летописце Ивана Слободского» имеет место использование народных преданий и неизвестного нам источника со сведениями о намерении Ивана IV уехать в «Поморские страны».

Второй вид первой редакции «Летописца Ивана Слободского» начинается тем же текстом, что и первый вид, заканчивается известием 1654 (7162) г. о постройке в Вологде в связи с мором единокровного храма Спаса Смоленского. Второй вид отличается от первого вида наличием после предисловия вставки со сведениями об укреплениях города Вологды, количестве церквей и монастырей в Вологодской и Белозерской епархиях, количестве дворов в Вологде и ее уезде, расстоянии от Вологды до Москвы, численности вологодских пехотного и драгунского полков; все эти данные предваряются ссылкой на опись «на Вологде писцов князя Ивана Мещерского да подъячева Федора Литогова». Иной состав, нежели в тексте первого вида, имеют в тексте второго вида и несколько последних известий, следующих за известием 1613 г. о смерти вологодского чудотворца Галактиона. Указание на авторство Ивана Слободского в тексте второго вида первой редакции его летописца отсутствует. Возник второй вид, очевидно, в середине или второй половине XVIII в. (напомним, что почерком второй половины XVIII в. написан его список).

Вологодский список второго вида первой редакции «Летописца Ивана Слободского» был напечатан в 1857 г. в «Вологодских губернских ведомостях» под названием «Новой исторической летописи» без каких-либо сведений о рукописи и ее издателе.

Единственный известный список второй редакции «Летописца Ивана Слободского» — Киевский — имеет заголовок «Вологодский летописец господина Слободского», начинается известием 1341 (6849) г. о постройке на Кубенском озере Спасо-Каменного монастыря, заканчивается известием 1685 (7193) г. о смерти архиепископа Вологодского и Белозерского Симона. Вторая редакция «Летописца Слободского» возникла путем исключения некоторых известий первой редакции, дополнения ее текста известиями из Вологодской летописи, как местными, так и некоторыми общерусскими, распространения текста ряда известий. В результате переработки комплекс фактических сведений «Летописца Ивана Слободского» заметно изменился. Вторая редакция была создана в конце XVIII—начале XIX в.: не ранее 1782 г., когда вышел в свет упоминаемый в примечаниях ее составителя труд А. А. За-

⁵⁴ Известия о Каменном монастыре попали в «Летописец Ивана Слободского» не через Вологодскую летопись, а независимо от нее.

сецкого,⁵⁵ и не позднее начала XIX в., к которому относится почерк сохранившегося списка.

Напечатанный в «Вологодских губернских ведомостях» в 1865 г. текст с пометой издателя в конце — «Вологодский летописец, собр. Слободским» — представляет собой сокращенный вариант второй редакции «Летописца Ивана Слободского» (см. прим. 8). Рукопись этого варианта найти не удалось.

Материал, приведенный в настоящей статье, свидетельствует о том, что Вологда являлась центром летописания не только в XV—XVI вв., но и в течение XVII—XVIII вв. Эволюция летописания в Вологде совершалась от создания общерусских летописных сводов в XV—XVI вв. (Вологодско-Пермская летопись, Свод 1497 г. с Дополнениями) к составлению общерусских провинциальных летописей в XVII—начале XVIII в. (Вологодская летопись) и кратких местных летописцев в XVIII в. (Историческая летопись, «Летописец Ивана Слободского»)⁵⁶. В какой-то мере такая эволюция была характерна для общерусского летописания в целом.

М. Е. БЫЧКОВА

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ РОДОСЛОВНЫХ РОСПИСЕЙ КОНЦА XVII в. и БАРХАТНОЙ КНИГИ

В русской историографии изучение росписей XVII в., составленных и поданных в Разрядный приказ после отмены местничества в 1682 г., связано с общими тенденциями исследования генеалогических документов. Начало ему было положено Н. И. Новиковым, который вместе с Бархатной книгой опубликовал в 1787 г. «роспись... тем фамилиям, от которых родословные росписи в Разряд поданы».¹ Н. И. Новиков сгруппировал фамилии, связанные единством происхождения, кратко изложил легенду о происхождении этих фамилий, для каждой росписи указал архивный номер. Хотя эта публикация не раскрывает полного содержания росписей, сейчас она необыкновенно ценна, так как значительная часть документов XVII в. погибла в войну 1812 г.

⁵⁵ РО БАН УССР, собр. Киево-Софийского собора, № $\frac{403}{138C}$, л. 9.

⁵⁶ Вологодская летопись, «Летописец Ивана Слободского», Летописные записи о царствованиях Михаила Федоровича и Алексея Михайловича Хронографа Музейского собрания, № 1150 будут опубликованы в 37-м томе ПСРЛ.

¹ Родословная книга князей и дворян российских и выезжих... и которая известна под названием Бархатной книги, ч. II. М., 1787 (далее — Бархатная книга), с. 279—409.